

дѣло касается до нежеланія Израиля принять воскресеніе Спасителя нашего Христа, должна бы воцариться смерть, и на всегда. Но поелику увѣровавшіе приняли (воскресеніе Христа), то ради нихъ благодать воскресенія перешла на всю природу, посредствомъ обрѣзанія въ духѣ простираясь нѣкоторымъ образомъ на всѣхъ. Впрочемъ великое различіе оказывается между воскресеніемъ тѣхъ и другихъ. Отвергающіе вѣру во Христа и невѣріемъ своимъ оскорбляющіе Подателя жизни приобрѣтутъ отъ воскресенія одну только способность къ оживленію, но оживутъ въ осужденіе не возлюбившіе оправдывающаго Христа. Почитатели же воскресенія Спасителя и истинные хранители заповѣдей „въ воскресеніе жизни“, какъ написано (Іоан. 5, 29), уйдутъ съ земли, въ которой находятся (теперь). Такимъ образомъ народъ, обрѣзанный въ духѣ, пошлетъ собственное свое благо также и на невѣрныхъ, ибо ему собственно подобаешь благодать воскресенія, но онъ распространить ее и на другихъ, благодаря премудрому желанію Бога спасти всю природу. Такъ и Павелъ говоритъ, что какъ мѣч были непослушны нѣкогда для помилованія ¹⁾ Израиля, дабы чрезъ благопослушаніе ¹⁾ ихъ мы приобрѣли благодать Христову, „такъ и они теперь непослушны (оказались) для нашего помилованія, чтобы и они опять были помилованы“ (Римл. 11, 31), такъ какъ Спаситель нашъ Христосъ чрезъ нашу вѣру посылаетъ и на нихъ благо воскресенія. Что подобаешь вѣрующимъ, то соотвѣтственно даруется цѣлой природѣ. Поэтому то и богоглаголивый апостоль Павелъ, открывая намъ тайну о будущемъ воскресеніи, говоритъ, что въ качествѣ начатка воскреснетъ Христосъ; ибо Онъ воз-

¹⁾ Лат. невѣрно: *non credidimus in misericordiam Israelis*,—Pusey невѣрно предполагаетъ конъектуру: *ἀπειθείας* вмѣсто: *εὐπειθείας*.

сталъ первымъ изъ мертвыхъ, но „потомъ, говоритъ, Христовы въ пришествіе его“ (1 Кор. 15, 23). Прежде всѣхъ, говоритъ, прочихъ должно будетъ воскреснуть соединившимся съ Нимъ посредствомъ вѣры, показывая, что воскресеніе преимущественно, собственно и исключительно имъ подобаешь, хотя и распространяется на всю природу, очевидно по благи и челоѡколюбію Бога, восхотѣвшаго всесовершенно упразднить смерть.

Замѣчай, что не желѣзомъ (желѣзнымъ ножомъ) Сепфора обрѣзаетъ дитя, ибо желѣзо служитъ для наказанія и приличествуетъ находящимся подъ наказующимъ закономъ,—но „камешкомъ“ (острымъ), какъ написано (Исх. 4, 25), понимаемымъ въ значеніи прообраза Христа, ибо этимъ указывается на непреложность и твердость во всемъ природы Единороднаго. Поэтому Богъ и Отецъ чрезъ святыхъ пророковъ называлъ Христа и „адамантомъ“ (алмазомъ), говоря такъ: „вотъ Я влагаю адамантъ въ средину народа Моего Израиля“ (Ам. 7, 8). Адамантъ образно опять указываетъ намъ на то, что божественная и неизреченная природа Слова отнюдь не можетъ уступать противникамъ Своимъ.

Такимъ образомъ и божественный Иисусъ, послѣ военачальствованія Моисея и его кончины призванный для предводительства (Израилемъ), по божественному опредѣленію дѣлалъ чистыми сыновъ Израиля. И такъ какъ имъ подобало возставать противъ непріятелей, то и благовременно приказывалъ имъ какъ бы напередъ вооружиться посредствомъ обрѣзанія, зная, что иначе не избѣгнуть пораженія и не спасутся отъ смерти уже долженствовавшіе немедленно же начать сраженіе.

Написано же о немъ такъ: „и сказалъ Господь Ии-

сусу: сдѣлай себѣ ножи каменные изъ камня остраго и, сѣдши, обрѣжь сыновъ Израиля ¹⁾; и сдѣлалъ Иисусъ ножи каменные и обрѣзалъ сыновъ Израиля“ (Иис. Нав. 5, 2—3). Наименованіе „камня“ здѣсь указываетъ намъ какъ бы на твердость и несокрушимость Божія Слова. А названіе его „острымъ“ обозначаетъ Его силу тонко проникать во все и острѣйшую Его дѣйственность, какъ и Павелъ, воспитанный на священныхъ и божественныхъ писаніяхъ, называетъ намъ Божественное Слово „живымъ и дѣйственнымъ, и острѣйшимъ болѣе всякаго меча обоюдоостраго“, и говоритъ, что оно проникаетъ „до раздѣленія души и духа“ (Евр. 4, 12). Столь тонкое и острое, проникая въ наши сердца чрезъ Собственнаго Духа ²⁾, Оно освобождаетъ отъ всякой нечистоты. Обрѣзая неизреченнымъ образомъ то, что наполняетъ насъ превеликою мерзостію, Онъ дѣлаетъ насъ и святыми и непорочными. Замѣчай, пожалуйста, здѣсь яснѣйшій образъ истины. Обрѣзывающій Иисусъ, а подвергающіеся этому отъ него суть „всякое дитя молодое“, какъ написано, „которое не знаетъ сегодня добраго или злаго“ (Второз. 1, 39). Такъ вышедшіе изъ Египта имѣли на себѣ божественный гнѣвъ возмездіемъ за непослушаніе и разнообразныя наказанія постигали ихъ въ пустынѣ, такъ какъ всесвятому Богу благоугодно было справедливо не вводить ихъ въ землю, которою клялся отцамъ ихъ. Бывшіе же послѣ нихъ, какъ свободные отъ вины непослушанія, служили прообразомъ новаго народа, почему и принимаютъ обрѣзаніе въ духѣ чрезъ Христа, между тѣмъ какъ дре-

¹⁾ *ἐκ δευτέρου*—во второй разъ имѣющееся, соотв. евр. въ Алекс. кодексѣ, св. Кириллъ не читаетъ согл. Ватик. При рецензій этого мѣста могъ имѣться въ виду догматическій вопросъ о повторяемости крещенія.

²⁾ Лат. неточно: *pertingat usque ad nostrum spiritum*.

вній и прежній народъ, то есть Израиль, какъ только что говорили мы, приходитъ къ гибели.

Впрочемъ обрѣзается благородный и новый народъ тогда, когда Иисусъ далъ повелѣніе объ этомъ за Іорданомъ, какъ написано (Ис. Нав. 5, 1). Такъ это и въ созерцаемой истинѣ (Новаго Завѣта), ибо мы отнюдь не можемъ воспринимать обрѣзаніе въ сердцѣ чрезъ Духа, если еще не перешли таинственный Іорданъ, но пребываемъ по ту сторону святыхъ водъ.

Послѣ же того, какъ весь народъ былъ обрѣзанъ по повелѣнію Иисуса, Законодатель тотчасъ же открываетъ пользу этого дѣла и говоритъ къ святому Иисусу: „въ сегодняшній день Я снялъ позоръ Египетскій съ васъ“ (Ис. Нав. 5, 9). Въ чемъ же мы должны опредѣлять пользу Израиля отъ обрѣзанія? Или какой скажемъ позоръ снятъ былъ съ него?— Очевидно рабство, подпаденіе по безсилію жестоковластію и кромѣ того труды надъ глиною и дѣланіемъ кирпичей. Смотри же отъ сколькихъ золь освобождаетъ сила обрѣзанія, понимаемаго какъ обрѣзаніе въ духѣ. Оно извлекаетъ человѣческую душу изъ руки діавола, дѣлаетъ ее свободною и отпущенною отъ жестоковластвующаго въ насъ грѣха и являетъ ее выше всякаго жестоковластія злыхъ демоновъ. Но избавляетъ ее и отъ глины и дѣланія кирпичей, ибо уже не дозволяетъ ей оскверняться удовольствіями плоти или грязниться земными трудами, — освобождаетъ также и отъ смерти и тлѣнія. И не въ этомъ только заключаются всѣ благія слѣдствія (духовнаго) обрѣзанія, но оно дѣлаетъ (духовно обрѣзанныхъ) и общниками божественной природы чрезъ причастіе Спасителя нашего Христа (2 Петр. 1, 4).

Къ сказанному писатель книги присоединяетъ еще (5, 10—11), что „и совершили сыны Израиля пасху

въ четырнадцатый день мѣсяца, и вкушали отъ пшеницы земли (той) опрѣсноки и новины“¹⁾. Невозможно иначе причаститься Истинному Агнцу, вземлющему грѣхъ міра (Іоан. 1, 29), и обрѣсти опрѣсночную и новую пищу евангельской проповѣди, какъ по предварительномъ прохожденіи таинственнаго Іордана и полученіи обрѣзанія отъ Живаго Слова, напередъ уничтоживъ позоръ Египта, какъ бы нѣкую скверну души, только что изъясненнымъ нами образомъ.

Что Богъ ненавидитъ необрѣзаннаго еще, какъ исполненнаго всякой нечистоты и позора, не плоть конечно презирая, которую Онъ удостоилъ создать, но крѣпко еще и всецѣло, такъ сказать, преданнаго порочнымъ удовольствіямъ, потому что нисколько не отвергаетъ ихъ,—это мы также узнаемъ, когда найдемъ Его говорящимъ къ святому Моисею и Аарону; „вотъ законъ пасхи: всякій инородецъ (да) не ѣстъ отъ нея, и всякаго слугу чьего-либо и купленнаго за деньги—обрѣжь его (сначала), и тогда (да) ѣстъ отъ нея“ (Исх. 12, 43—44). Итакъ, совершенно исключаетъ иноплеменника, обозначая этимъ того, кто еще не вступилъ посредствомъ вѣры въ общеніе со Христомъ: рабствующаго грѣху и нѣкоторымъ образомъ проданнаго діаволу считаетъ благовременнымъ допускать до прикосновенія къ священнымъ мясамъ (только) по предварительномъ обрѣзаніи и очищеніи его. Вѣдь мы только чистые должны чисто приобщаться ко Христу, какъ объ этомъ прекрасно возглашается въ церквахъ: „святая святымъ“. И дѣйствительно, вполне справедливо и прилично, чтобы, въ соотвѣтствіе смерти за насъ Спасителя нашего Христа и очищенія насъ не подзаконными окропленіями, но Собственною Его

---

¹⁾ Прѣсные хлѣбы изъ новой пшеницы.

кровію, и мы посвятили Ему свою собственную жизнь и въ качествѣ справедливаго долга рѣшились жить уже не для себя, но воздавать за это всецѣлымъ приношеніемъ нашихъ душъ на освященіе.

Что честная кровь и смерть умершаго за всѣхъ Христа какъ спасаетъ насъ отъ всякаго зла, такъ и дѣлается виновницею обрѣзанія духовнаго, посредствомъ коего мы приобрѣтаемъ общеніе съ сущимъ надъ всѣмъ Богомъ, это мы можемъ усматривать также и изъ того мѣста, гдѣ о бывшемъ послѣ Моисея вождѣ, разумѣю опять Іисуса Навина, написано вотъ что: „и было послѣ того, и умеръ Іисусъ сынъ Навинъ, рабъ Господень, ста десяти лѣтъ: и погребли его въ предѣлахъ удѣла его,—тамъ положили съ нимъ въ гробъ, въ коемъ погребли его тамъ, ножи каменные, коими обрѣзалъ сыновъ Израиля“ (Ис. Нав. 24, 30—31). Блаженный Іисусъ послѣ смерти погребается, а ножи, послужившіе въ образъ обрѣзанія, благополезно прикрѣпляются къ памятнику, дабы мы чрезъ это разумѣли опять, что благодать духовнаго обрѣзанія, эта поручительница для насъ всѣхъ небесныхъ благъ, прикрѣплена къ смерти Спасителя нашего Христа.

Итакъ, подъ обрѣзаніемъ въ осьмой день мы, не разумѣя ничего Іудейскаго, должны понимать очищеніе чрезъ Духа, вѣрою и воскресеніемъ Христа,—отверженіе всякаго грѣха, уничтоженіе смерти и тлѣнія, причину святости и общенія со Христомъ, изображеніе свободы, путь и дверь общенія съ Богомъ.

Но уже достаточно собранныхъ нами отовсюду духовныхъ умозрѣній объ этомъ, раздѣленныхъ, какъ оказалось нужнымъ, на двѣ главы, изъ коихъ въ каждой мы вполне исчерпали подобающій ей предметъ. Остается нужнымъ сказать о томъ, чего именно

ради духовное обрѣзаніе оказывается выше даже и почитанія субботы, такъ какъ обрѣзаніе допускается и въ субботу, не взирая на законъ о покоѣ во время ея?

Покой въ седьмой день означаетъ отдыхъ и удаление отъ всякаго зла и свободу отъ грѣха,—ничто иное какъ это же, но другимъ образомъ, означаетъ также и обрѣзаніе въ духѣ, потому что отдыхъ отъ зла, думаю, очевидно заключаетъ въ себѣ удаление отъ излишества похотей и многочисленныхъ удовольствій. Поэтому обрѣзаніе мы должны находить не только никоимъ образомъ не нарушающимъ закона о субботѣ, но даже и содѣйствующимъ ему и какъ бы сходящимся съ нимъ въ одной и той же цѣли, ясно возвѣщающимъ, что надо отдыхать и освобождаться отъ зла, такъ что одно и то же суть оба, разумѣю обрѣзаніе и покой въ субботу, поскольку въ нихъ обоихъ со всею справедливостію можно усматривать направленіе къ одной цѣли. Вѣдь не грубому образу исторіи должны мы внимать, но устремляться духовно къ откровенію Духа.

Итакъ, невиннымъ оказывается и полезнымъ совершение обрѣзанія въ субботу, если по слову Спасителя „нарушаютъ священники въ храмѣ субботу“, совершая въ нее священнодѣйствія и не прекращая обычныхъ службъ, „и невиновны суть“ (Матѣ. 12, 5), какъ весьма ясно и со всею справедливостію засвидѣтельствовалъ имъ Самъ Судія. И дѣйствительно, какое можетъ быть время, въ которое намъ подобало бы воздерживаться отъ дѣлъ священныхъ и благоугодныхъ Богу? Въ какое время не вредно прекращать заботу о благочестіи? Субботній покой, слѣдовательно, требуетъ прекращенія и оставленія зла и одного только мерзостнаго грѣха, но отнюдь не препятствуетъ услаждаться священными дѣлами,—и что каждый считаетъ

полезнымъ для своей души, это онъ дозволяетъ безвинно и право совершать со всѣмъ стараніемъ. Такое же самое полезное значеніе, какъ видишь, заключается и въ обрѣзаніи, ибо въ отсѣченіи порочныхъ удовольствій оказывается появленіе бездѣйствія по отношенію ко грѣху и начало священнѣйшаго служенія въ духѣ и истинѣ.

Но хотя между ними (субботою, какъ символомъ бездѣйствія въ отношеніи ко грѣху, и обрѣзаніемъ, какъ символомъ служенія въ духѣ и истинѣ) различіе и малое, однакоже необходимое, ибо постановленіе совершать ихъ ни въ (одинъ и тотъ же) седьмой, ни также въ (одинъ и тотъ же) осьмой день даетъ разумѣть, что значеніе cadaго нѣсколько различается. И это, какъ мнѣ кажется, имѣетъ нѣкоторый не маловажный смыслъ.

Въ самомъ дѣлѣ, воздержаніе отъ зла еще отнюдь не есть и отверженіе зла. Страсти часто бездѣйствуютъ въ насъ не потому, чтобы они были совсѣмъ внѣ нашей души, но потому, что цѣломудреннымъ разумомъ, какъ бы уздою какою, насильно приводятся въ несоотвѣтствующее имъ спокойствіе, равно какъ невольно уступаютъ и подвижническимъ трудамъ. А удалить отъ себя страсть, насколько это подобаешь человѣку, конечно есть совсѣмъ другое нѣчто и гораздо большее, чѣмъ воздержаніе отъ страсти. Въ виду сдѣланныхъ разсужденій уже можно понять, что до отверженія въ себѣ страстей, которое обозначается чрезъ обрѣзаніе, или паденій по похоти мы можемъ достигать не прежде, какъ напередъ освободившись отъ дѣйственной силы зла и поставивъ какъ бы въ бездѣйственность направляющіяся ко грѣху движенія души. Тогда, воспользовавшись этимъ, какъ бы нѣкою ступенью, мы легко взойдемъ уже къ боль-

шему и высшему (состоянію), разумѣю всецѣлое отсѣченіе страстей.

Но воздержаніе отъ страсти имѣетъ нѣкоторую зависимость и отъ нашего собственнаго произволенія, ибо мы можемъ прекращать зло, отдавая перевѣсъ болѣе лучшимъ изъ нашихъ собственныхъ желаній. А освободиться отъ страсти зависитъ конечно не отъ насъ, но это есть дѣло, поистинѣ подобающее Христу, пострадавшему за насъ, дабы и всѣхъ преобразить въ обновленіе жизни (Римл. 12, 2). Вотъ поэтому-то обрѣзаніе справедливо получило себѣ осьмый день, такъ сказать обновительный, указующій время воскресенія. А покой (субботній) — седьмой, сосѣдній (съ тѣмъ), но нѣсколько позади (его стоящій). Это потому, что временное и въ (человѣческой) волѣ (находящееся) воздержаніе (отъ страстей) нѣсколько отстаетъ и стоитъ немного позади всецѣлаго отсѣченія страстей.

Г Л А В Ы,

содержащіяся въ пятой книгѣ.

О томъ, что наши дѣла не подчинены часамъ вслѣдствіе какой-либо необходимости, какъ неразумно думаютъ Элины, но по собственному произволѣю мы направляемся какъ къ добру такъ и ко злу,—и о томъ, что мы управляемся божественными мановеніями; предметомъ изъясненія служитъ изреченіе: „искажу убо, да имутъ Его: и никто же возложи на нь руки, яко не у бѣ пришелъ часъ Его“ (7, 30).

II. О томъ, что послѣ распятія Спасителя и по оживленіи Его изъ мертвыхъ твердо вселился въ насъ Святый Духъ; предметомъ служитъ изреченіе: „не у бо бѣ Духъ, яко Исусъ не у бѣ прославленъ“ (7, 39).

III. О томъ, что не дѣломъ силы Иудеевъ было страданіе на крестѣ и не вслѣдствіе насилія кого либо умеръ Христосъ, но Самъ добровольно пострадалъ это за насъ, дабы всѣхъ спасти; предметомъ служитъ изреченіе: „Сія глаголы глагола Исусъ въ газофилакѣи, уча въ церкви: и никто же ятъ Его, яко не у бѣ пришелъ часъ Его“. (8, 20).

IV. О томъ, что Сынъ есть Богъ по природѣ, не имѣющій никакого подобія съ тварью, поскольку дѣло касается существа; предлежитъ изреченіе: „вы отъ міра сего есте, Азъ отъ міра сего нѣсмъ“ (8 23).

V. О томъ, что Сынъ не менѣе Бога и Отца по силѣ и премудрости, напротивъ—есть (само)премудрость и сила Его; предлежитъ изреченіе: „о Себѣ не творю ничегоже, но, яко научи Мя Отець, сія глаголю“. (8, 28).

КНИГА ПЯТАЯ.

VII. 25. *Глаголаху убо нѣцыи отъ Іерусалимлянъ: не Сей ли есть, Егоче ищутъ убити?*

Во время праздника, названнаго въ законѣ кущепоставленіемъ, когда со всей, такъ сказать, округи, согласно постановленію законодателя, Іудеи собирались въ Іерусалимъ, Христось обращался съ ученіемъ ко всѣмъ, такъ какъ Онъ безъ сомнѣнія говорилъ не къ однимъ только горожанамъ. Поэтому любознательному и благоразумному необходимо изслѣдовать, что побудило божественнаго Евангелиста представлять все прочее множество Іудеевъ молчащимъ, а однимъ только Іерусалимлянамъ усвоить такую рѣчь. О чемъ размышляя и что помышляя въ себѣ, они говорятъ это? Рѣчь облечена въ глубокій образъ: что же скажемъ объ этомъ?

Спаситель всѣхъ насъ Христось не мало совершилъ знаменій въ городѣ и часто жилъ въ Іерусалимѣ. Поэтому нѣкіе изъ горожанъ убѣждались и мало по малу приходили наконецъ къ желанію вѣровать въ Него, но не дерзали любить Его открыто и свободно, боясь дерзости своихъ начальниковъ и не изъ злоумышленія подвергаясь страху предъ наказаніемъ. Это ясно объявлялъ блаженный Евангелистъ уже ранѣе, сказавъ, что открыто никто не говорилъ о Немъ ради страха предъ Іудеями (7, 13).

Иудеями впрочемъ называетъ здѣсь начальниковъ, не рѣшаясь, какъ мнѣ кажется, такимъ потеряннымъ людямъ давать названіе начальниковъ. Итакъ, Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ открыто и сильно возставалъ противъ безумія начальниковъ и весьма ясно избличалъ въ томъ, что они не обращаютъ никакого вниманія на законодателя, но каждый стремится исполнять свою волю и всѣ безумно склонились къ убійству, какъ къ чему-то, не заключающему въ себѣ ничего дурнаго, а между тѣмъ Онъ не подвергался за это ничему непріятному отъ тѣхъ, коимъ естественно бы было предать Его смерти. Вотъ это-то и берутъ въ доказательство и удостовѣреніе присущей Ему божественной власти *Іерусалимляне* и, принимая и это въ качествѣ какъ бы нѣкоего прибавленія къ прежнимъ уже чудесамъ и присоединяя ко всему предшествовавшему, увлекаются наконецъ горячими стремленіями къ вѣрѣ въ Него. Посему и говорятъ, собирая знаніе изъ здраваго разума: „не Сей ли есть, Кого ищутъ убить?“ Замѣтъ, какъ бы протягивая высоко правую руку и обводя туда и сюда, указываютъ на Обличителя и смѣются уже, видя усмиренною ихъ неукротимую ярость, не какимъ либо разсудочнымъ доводомъ, но божественною властію и силою.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что одни только *Іерусалимляне* говорятъ противоположное всему прочему множеству *Иудеевъ*. А какъ это, скажу. Когда Спаситель Христосъ предлагалъ однажды прекрасное ученіе, фарисеи ужасно разсвирѣпѣли за это и съ нескрываемою дерзостію рѣшили совершить убійство. Но на это онъ говорилъ имъ, избличая ихъ въ томъ, что какъ рѣшившіеся совершить убійство они суть преступники закона: „не Моисей ли далъ вамъ законъ? И никто изъ васъ не творитъ закона: зачѣмъ Меня

ищите убить?“ (7, 19). И это изреченіе со всею силою поражало сердца начальниковъ. Однакожь многочисленная толпа поражается этими словами и, находя ихъ для себя невыносимыми, съ великою дерзостію отвѣтила, говоря: „*бѣса имѣешь: кто Тебя ищетъ убить?*“ (7, 20). Но, думаю, каждому очевидно, что Христось говорилъ это, когда созерцалъ фарисеевъ уже совершающими убійство. Не ясно ли, между тѣмъ какъ нѣкоторые отрицаютъ здѣсь и кричатъ: „*кто Тебя ищетъ убить?*“ Іерусалимляне только одни утверждаютъ противное прочимъ всѣмъ и говорятъ: „*не Сей ли есть, Кого ищутъ убить?*“ Хорошо сказано и это „*ищутъ*“, дабы эту дерзость приписать однимъ только начальникамъ. Итакъ, съ вѣроятностію можемъ заключать, что весь остальной народъ Іудейскій не зналъ о намѣреніи начальниковъ, а Іерусалимляне, какъ весьма къ нимъ близкіе и жившіе въ одномъ городѣ, постоянно съ ними встрѣчаясь, знали какъ бы о влитомъ въ нихъ нечестивомъ намѣреніи по отношенію къ Спасителю Христу.

И не однимъ только гласомъ Спасителя нашего обвиняется преступное сонмище Іудеевъ, но уже и самую подвластною имъ толпою, погибшею вслѣдствіе ихъ безумія и низринувшеюся въ пропасть. Вѣдь изъ сказаннаго можно видѣть, что она уже жаждала и какъ бы пылала къ вѣрѣ во Христа, нуждаясь въ совсѣмъ маломъ руководствѣ, каковое если бы было, то легко приняли бы Сошедшаго къ намъ съ неба. Посему повинны въ гибели овецъ получившіе начальство, что засвидѣтельствуетъ опять пророкъ Іеремія, взывающій такъ: „*потому что пастыри обезумѣли и Господа не взыскали: посему не уразумѣло все стадо, и разсѣялись*“ (Іерем. 10, 21).

VII. 26. Се, не обинуюся глаголетъ, и ничесо же Ему не глаголютъ.

Усиливаютъ основанія достовѣрности и какъ бы восходятъ къ яснѣйшему доказательству, не видя препятствій дерзновенію Христа. Весьма справедливо поражаются, когда находятъ прежнихъ нечестивцевъ объатыми несвойственнымъ имъ и необычнымъ великодушіемъ и гордецовъ видятъ обнаруживающими странную для нихъ кротость. Отсюда приходятъ къ основательнымъ предположеніямъ. А чрезъ то опять, что удивляются ихъ незлобію и притомъ по отношенію къ такому предмету, за который и отнюдь не подобало гнѣваться, чрезъ это самое оказываются обвиняющими ихъ въ томъ, что для нихъ обычно было нападать на каждаго безразлично учителя добру и горячо устремляться на всякаго вообще, кто сталъ бы только говорить противорѣчащее имъ, хотя бы это и согласовалось съ божественнымъ закономъ. Вѣдь надменность фарисеевъ всегда была ужасная и дерзкое безуміе ихъ не знало мѣры. Кто же это, говорятъ, укрощаетъ ихъ въ настоящую минуту и кто на прежнюю неудержимую ихъ ярость наложилъ въ качествѣ узды цѣломудренный разумъ? Кто такимъ образомъ зачаровалъ ихъ и какъ бы змѣй какихъ всегда бросающихся направилъ къ кротости? *Вотъ съ дерзновеніемъ говоритъ и ничего Ему не говорятъ.* Не просто, сказано, *говоритъ*, но *съ дерзновеніемъ*. И это, полагаю, потому, чтобы кто не призналъ справедливость прекращенія ихъ гнѣва, если бы Тотъ, Кого искали, говорилъ тайно свои слова противъ нихъ. Вѣдь при незнаніи могъ бы конечно и не возбудиться гнѣвъ ихъ. Но слова Его были съ дерзновеніемъ и Онъ говорилъ горькія обличенія. Это, по моему мнѣнію, означаетъ слово

„дерзновеніе“. И не только воздерживаются отъ гнѣва, хотя и очень склонны были къ нему, но и медлительными оказываются даже и на слова, ибо *ничего Ему не говорятъ*.

VII. 26. *Еда воистину разумѣша князи, яко Сей есть Христосъ?*¹⁾

Видишь, какъ они, изъ основательныхъ мыслей и справедливыхъ заключеній пріобрѣтая вѣру, едва не негодуютъ на то, что начальники повидимому уже узнали Его, а между тѣмъ не принимаютъ Его очевидно изъ-за богоборства, не стѣсняются позорить Пришедшаго съ неба и завистливымъ молчаніемъ какъ бы даже затемняютъ Его прославленіе. Вѣдь если бы *не узнали*, говорятъ, *истинно, что Онъ есть Христосъ*, то что же заставляетъ ихъ удерживаться предъ Тѣмъ, Кто съ дерзновеніемъ изобличаетъ ихъ и даже повидимому вводитъ новые законы на мѣсто древнихъ, такъ какъ оказывается совершающимъ исцѣленія и въ субботу, и не мало оскорбляетъ ихъ, если неприкровенно говоритъ: „не Моисей ли далъ вамъ законъ, и никто изъ васъ не творитъ закона“ (7, 19). Переносятъ это, хотя и были расположены противъ этого и привыкли сильно нападать даже и на непричиняющихъ имъ никакого вреда. Такъ путемъ всякихъ разсужденій мало по малу пріобрѣтаютъ вѣру во Христа, но при этомъ усвояютъ истинное знаніе и своимъ начальникамъ, какъ прежде нихъ изу-

¹⁾ *αληθως* предъ *ερωτασαν* чит. и Сир. (сир. кур. Іер.) и Слав. Тип. нед. 12 въ и Ал.: истинно познаша, и Кир. еще въ толк. ст. 30—ниже, но оп. 33. d. scr. Сир. пеш. Саг. Ээ, Таціанъ (у Ефр. Moes. 210 и Ciasca S 28). Вм. *αρχοντες* Слав. князи чит. *αρχοντες* N. a. Епиф. (ιερεες) Саг. (οι αρχ. και οι αρχ.). *εστιν* безъ *αληθως* чит. N. B. D. Ит. (мн.) Вг. Сир. (кур. и сир.) Саг. Копт. Арм. Ор. Епиф. съ *αληθως* мн. поздн. майюск. Гот. Сир. (пеш. геракл. и Іер.) Ээ. и Тац. ib. также Слав. тиц. и Ал.: *воистину*.

чившимъ священныя книги и болѣе ихъ самихъ могущимъ разумѣть тайны въ божественныхъ писаніяхъ. Замѣть, что народъ іудейскій всегда готовъ былъ немедленно слѣдовать за своими начальниками, который безъ сомнѣнія и получилъ бы спасеніе, если бы былъ руководимъ своими начальниками къ правому. Поэтому то они и подвергнутся тяжкимъ наказаніямъ, когда и Самъ Спаситель обвинялъ ихъ, говоря: „горе вамъ законникамъ, потому что взяли вы ключъ познанія,—сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали“ (Лук. 11, 52). Вѣдь дверью какъ бы нѣкою и вратами къ богопознанію и путемъ, легко ведущимъ ко всякой добродѣтели, служить слово учащихъ правому и знаніе пасущаго можетъ охранять пасомое стадо, какъ и противоположное (невѣжество) легко губить и низвергаетъ пасомыхъ въ пропасть, даже противъ ихъ воли.

VII. 27. Но Сего вѣмы, откуда есть: Христосъ же, егда приидетъ, никто же вѣсть, откуда будетъ ¹⁾.

Но по однимъ только внѣшнимъ основаніямъ и потому, что начальники терпѣливо выносили Его обличенія, умъ Іерусалимлянъ не приобрѣтаетъ (полной и истинной) вѣры. Вполнѣ правильно составивъ надлежащія заключенія и получивъ истинныя представленія о Христѣ посредствомъ присущей Ему божественной власти, уже правильно руководимые къ воспріятію благочестія (христіанской религіи), они однакожъ не замѣтно опять впадаютъ въ собственное Іудеямъ невѣжество. Послѣ вышеуказанныхъ прекрасныхъ разсужденій, они повидимому желаютъ отовсюду уловлять истину и не вслѣдствіе

---

¹⁾ Кир. чит. *ἴδου* въ толкованіи, какъ G и нем. (ср. N *), а въ текстѣ *ἔρχεται*, какъ N др. мн. но B. D. др. мн. *ἔρχεται*.